

Н.В. ГОГОЛЬ

Светлое Воскресение

Л.Н. АНДРЕЕВ

Баргамот и Гараська

Гостинец

Прекрасна жизнь для воскресших

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ

Мужик Марей

В.Г. КОРОЛЕНКО

Старый звонарь

(Весенняя идиллия)

Отрывок

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ

Пасха на Афонской горе

М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Христова ночь

(Предание)

А.И. КУПРИН

Пасхальные яйца

Инна

(Рассказ бездомного человека)

По-семейному

А.П. ЧЕХОВ

Архиерей

Казак

Святою ночью

Студент

Е. ПОСЕЛЯНИН (Е.Н. ПОГОЖЕВ)

Таинственная ночь

Н.А. КОЛОСОВ

Не может быть!

Большая Пасхальная книга

*П*АСХАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Серия «Праздник-Праздник»

Разработка макета *И. Гришиной*

Б79 **Большая Пасхальная книга.** Пасхальные рассказы : [сборник]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Праздник-Праздник).

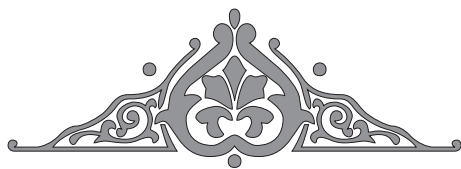
ISBN 978-5-17-096553-3

Светлое Христово Воскресение — главное событие церковного календаря, древнейший и самый важный христианский праздник, отмечавшийся ещё во времена апостолов и установленный в честь Воскресения Иисуса Христа.

Христианство — основа русской культуры, и поэтому тема Пасхи не могла не отразиться в творчестве русских писателей. Великие писатели видели, как свет Пасхи преобразует всё многообразие жизни, до самых обыденных мелочей, и запечатлели это в своих произведениях. Свет Воскресения Христова сияет из них.

Эта книга — прекрасный подарок к Празднику праздников и замечательное чтение на все времена.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

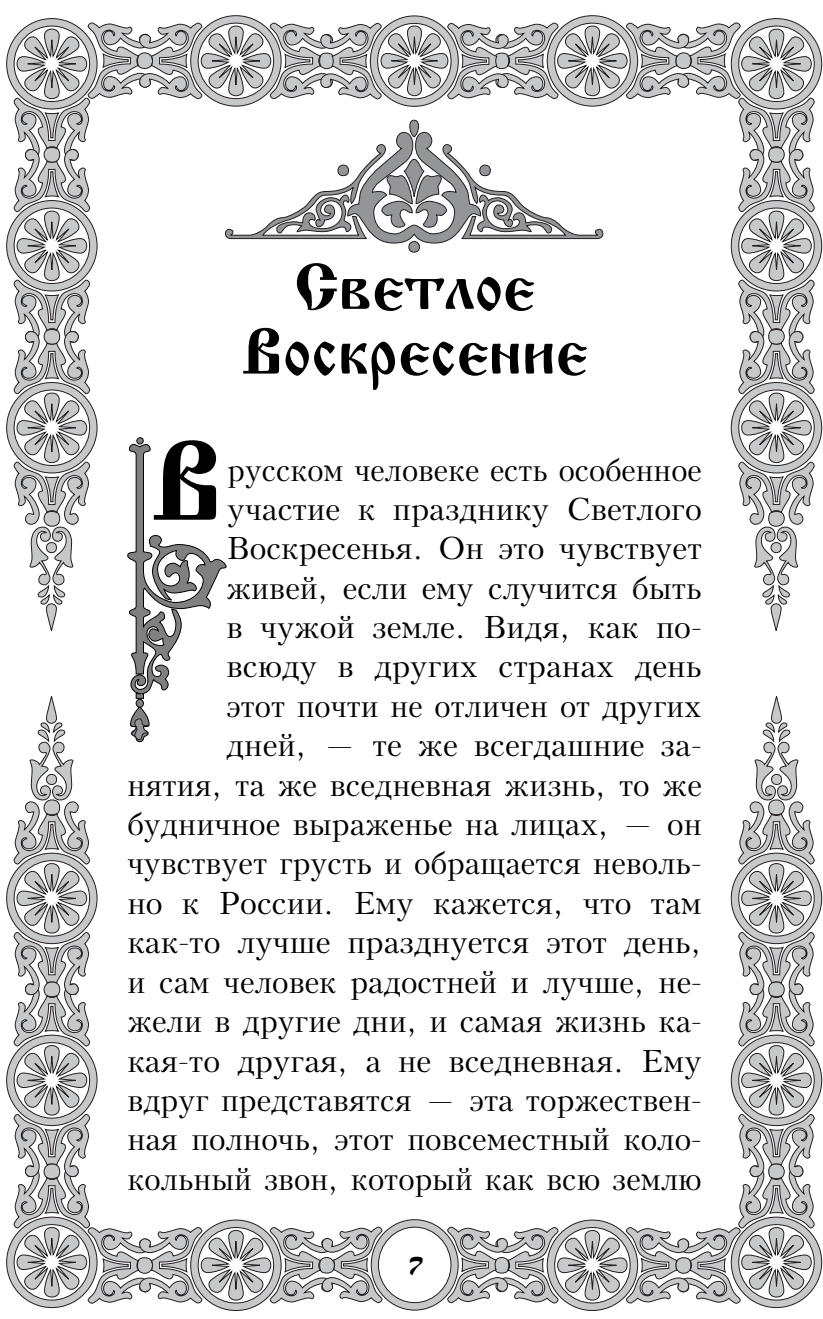

Николай Васильевич

ГОГОЛЬ

1809—1852

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. Он это чувствует живей, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней, — те же всегдашние занятия, та же вседневная жизнь, то же будничное выраженье на лицах, — он чувствует грусть и обращается невольно к России. Ему кажется, что там как-то лучше празднуется этот день, и сам человек радостней и лучше, нежели в другие дни, и самая жизнь какая-то другая, а не вседневная. Ему вдруг представляется — эта торжественная полночь, этот повсеместный колокольный звон, который как всю землю

Н. В. Гоголь

сливает в один гул, это восклицанье «Христос воскрес!», которое заменяет в этот день все другие приветствия, этот поцелуй, который только раздастся у нас, — и он готов почти воскликнуть:

«Только в одной России празднуется этот день так, как ему следует праздноваться!» Разумеется, все это мечта; она исчезнет вдруг, как только он перенесется на самом деле в Россию или даже только припомнит, что день этот есть день какой-то полусонной беготни и суеты, пустых визитов, умышленных незаставаний друг друга, наместо радостных встреч, — если ж и встреч, то основанных на самых корыстных расчетах; что честолюбие кипит у нас в этот день еще больше, чем во все другие, и говорят не о Воскресенье Христа, но о том, кому какая награда выйдет и кто что получит; что даже и сам народ, о котором идет слава, будто он больше всех радуется, уже пьяный попадает на улицах, едва только успела кончиться торжественная обедня и не успела еще

Светлое Воскресение

заря осветить земли. Вздохнет бедный русский человек, если только все это припомнит себе и увидит, что это разве только карикатура и посмеянье над праздником, а самого праздника нет. Для проформы только какой-нибудь начальник чмокнет в щеку инвалида, желая показать подчиненным чиновникам, как нужно любить своего брата, да какой-нибудь отсталый патриот, в досаде на молодежь, которая бранит старинные русские наши обычаи, утверждая, что у нас ничего нет, прокричит гневно: «У нас все есть — семейная жизнь, и семейные добродетели, и обычаи у нас соблюдаются свято; и долг свой исполняем мы так, как нигде в Европе; и народ мы на удивленье всем».

Нет, не в видимых знаках дело, не в патриотических возгласах и не в поцелуе, данном инвалиду, но в том, чтобы в самом деле взглянуть в этот день на человека, как на лучшую свою драгоценность, — так обнять и прижать его к себе, как наироднейшего своего брата, так ему обрадоваться,

Н. В. Гоголь

как бы своему наилучшему другу, с которым несколько лет не видались и который вдруг неожиданно к нам приехал. Еще сильнее! еще больше! потому что узы, нас с ним связывающие, сильнее земного кровного нашего родства, и породнились мы с ним по нашему прекрасному небесному Отцу, в несколько раз нам ближайшему нашего земного отца, и день этот мы — в своей истинной семье, у Него Самого в дому. День этот есть тот святой день, в который празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него ни одного человека. Как бы этот день пришелся, казалось, кстати нашему девятнадцатому веку, когда мысли о счастье человечества сделались почти любимыми мыслями всех; когда обнять все человечество, как братьев, сделалось любимой мечтой молодого человека; когда многие только и грезят о том, как преобразовать все человечество, как возвысить внутреннее достоинство человека; когда почти половина уже признала торжественно, что одно

Светлое Воскресение

только христианство в силах это про-
извести; когда стали утверждать, что
следует ближе ввести Христов закон
как в семейственный, так и в госу-
дарственный быт; когда стали даже
поговаривать о том, чтобы все было
общее — и дома и земли; когда под-
виги сердоболия и помощи несчастным
стали разговором даже модных гости-
ных; когда, наконец, стало тесно от
всяких человеколюбивых заведений,
странноприимных домов и приютов.
Как бы, казалось, девятнадцатый век
должен был радостно восприздновать
этот день, который так по сердцу всем
великодушным и человеколюбивым его
движениям! Но на этом-то самом дне,
как на пробном камне, видишь, как
бледны все его христианские стрем-
ленья и как все они в одних только
мечтах и мыслях, а не в деле. И если,
в самом деле, придется ему обнять в
этот день своего брата, как брата, —
он его не обнимет. Все человечество
готов он обнять, как брата, а брата
не обнимет. Отделись от этого чело-
вечества, которому он готовит такое

Н. В. Гоголь

великодушное объятие, один человек, его оскорбивший, которому повелевает Христос в ту же минуту простить, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, несогласный с ним в каких-нибудь ничтожных человеческих мнениях, — он уже не обнимет его. Отделись от этого человечества один, страдающий видней других тяжелыми язвами своих душевных недостатков, больше всех других требующий сострадания к себе, — он оттолкнет его и не обнимет. И достанется его объятие только тем, которые ничем еще не оскорбили его, с которыми не имел он случая столкнуться, которых он никогда не знал и даже не видел в глаза.

Вот какого рода объятие всему человечеству дает человек нынешнего века, и часто именно тот самый, который думает о себе, что он истинный человеколюбец и совершенный христианин! Христианин! Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, на место того чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане!

Светлое Воскресение

Нет, не воспринимать нынешнему веку Светлого праздника так, как ему следует восприниматься. Есть страшное препятствие, есть непреодолимое препятствие, имя ему — гордость. Она была известна и в прежние веки, но то была гордость более ребяческая, гордость своими силами физическими, гордость богатствами своими, гордость родом и званием, но не доходила она до того страшного духовного развития, в каком предстала теперь. Теперь явилась она в двух видах. Первый вид ее — гордость чистотой своей.

Обрадовавшись тому, что стало во многом лучше своих предков, человечество нынешнего века влюбилось в чистоту и красоту свою. Никто не стыдился хвастаться публично душевной красотой своей и считать себя лучшим других. Стоит только приглядеться, каким рыцарем благородства выступит из нас теперь всяк, как беспощадно и резко судит о другом. Стоит только прислушаться к тем оправданиям, какими он оправдывает себя в том, что не обнял своего брата даже в день

Н. В. Гоголь

Светлого Воскресенья. Без стыда и не дрогнув душой, говорит он: «Я не могу обнять этого человека: он мерзок, он подл душой, он запятнал себя бесчестнейшим поступком; я не пушу этого человека даже в переднюю свою; я даже не хочу дышать одним воздухом с ним; я сделаю крюк для того, чтобы объехать его и не встречаться с ним. Я не могу жить с подлыми и презренными людьми — неужели мне обнять такого человека как брата?» Увы! позабыл бедный человек девятнадцатого века, что в этот день нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди — братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое. Все разом и вдруг им позабыто: позабыто, что, может быть, затем именно окружили его презренные и подлые люди, чтобы, взглянув на них, взглянул он на себя и поискал бы в себе того же самого, чего так испугался в других. Позабыто, что он сам может на всяком шагу, даже не приметив того сам, сделать то же подлое дело, хотя в другом

Светлое Воскресение

только виде, — в виде, не пораженном публичным позором, но которое, однако же, выражаясь половицей, есть тот же блин, только на другом блюде. Все позабыто. Позабыто им то, что, может, оттого развелось так много подлых и презренных людей, что сурово и бесчеловечно их оттолкнули лучшие и прекраснейшие люди и тем заставили пуще ожесточиться. Будто бы легко выносить к себе презренье! Бог ведь, может быть, иной совсем был не рожден бесчестным человеком; может быть, бедная душа его, бессильная сражаться с соблазнами, просила и молила о помощи и готова была облобызать руки и ноги того, кто, подвигнутый жалостью душевной, поддержал бы ее на краю пропасти. Может быть, одной капли любви к нему было достаточно для того, чтобы возвратить его на прямой путь. Будто бы дорогой любви было трудно достигнуть к его сердцу! Будто уже до того окаменела в нем природа, что никакое чувство не могло в нем пошевелиться, когда и разбойник благодарен за любовь,